

Юлия Беринг

Жестокый **шеф.**

Ты унижал меня, а теперь
просишь остаться!

Юлия Беринг

**Жестокий шеф. Ты унижал меня,
а теперь просишь остаться!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Жестокий шеф. Ты унижал меня, а теперь просишь остаться! /
Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я пришла в элитную кулинарную академию спасти отца от выселения. Но Марк, жестокий наследник ресторанной империи, швырнул тарелку мне под ноги и назвал грязной нищетой. За семейный долг он превратил меня в подопытный образец своей лаборатории. Теперь каждый мой рецепт, каждая ошибка и даже страх принадлежат ему. Меня унижают, подставляют и заставляют молчать. Только они забыли главное: я чувствую вкус лучше их хвалёных экспертов. Однажды я приготовлю блюдо, которое заставит весь зал замолчать. А потом сниму его фартук и открою собственную школу. Он больше не имеет надо мной власти. Но что делать, если мужчина, разрушивший мою жизнь, впервые научился любить?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Беринг

Жестокий шеф. Ты унижал меня, а теперь просишь остаться!

Глава 1

Повестка о выселении жгла карман, как раскалённый уголь. Я не шла — я летела по мраморным коридорам академии «Вкус Истины», игнорируя взгляды студентов в белых кителях. Они смотрели на меня с тем же выражением, что и на таракана, случайно забредшего в стерильную лабораторию: безразличным любопытством.

Кабинет деканата пах застарелой пылью и чужим успехом. Секретарша, женщина с лицом, словно вырезанным из холодного теста, даже не подняла глаз от монитора.

— Записи нет, — процедила она, продолжая печатать. — И вообще, стипендиаткам экстренные приёмы не положены. Очередь на три недели.

Я придержала карман, чтобы бумага не шуршала. Еще не хватало выдать секретарше, насколько мне страшно. Вчера отец заталкивал рубашки в чемодан и ругался на молнию; я стояла рядом и думала, куда мы понесем его, если нас действительно выставят. Здесь отвечали: три недели. У нас не было даже суток.

Я сделала шаг ближе, вдыхая воздух кабинета глубже, чем позволяли манеры. Запах ударил в нос резко, специфически: ноты земли, металла и дорогого масла. Шафран. Но не тот дешёвый порошок, которым посыпали рис в столовой для бедных. Это был премиальный сорт из Марракеша, редкий и капризный.

— Вы использовали шафран марки «Красное Золото» для утреннего чая? — мой голос дрогнул, но слова вышли четкими. — Он требует температуры воды строго ниже девяноста градусов, иначе становится горьким. На ваших пальцах видна характерная пигментация.

Секретарша замерла. Её глаза расширились, и я увидела, как побелели костяшки пальцев на клавиатуре. Она посмотрела на свои руки, затем на меня. Она убрала пальцы с клавиатуры. Теперь я хотя бы разговаривала с человеком, а не с затылком над монитором. Отступить было нельзя.

— Помощник ректора... там, — она махнула рукой в сторону двери в конце коридора, где за стеклом кипела жизнь лаборатории. — Если он вас пустит.

Ассистент ректора, лысеющий мужчина с вечной усталостью в глазах, блокировал проход телом.

— Уходите, девочка. Ваш отец уже подписал бумаги о передаче долга ректорскому сыну. Марк не принимает просителей. Он работает.

Сквозь стекло я видела его. Высокого, широкого в плечах. Марк. Он пробовал блюдо из маленькой ложечки, и его лицо исказилось гримасой отвращения. Он отставил тарелку, не доев.

Я не думала. Я ударила ладонью по стеклу.

— Кислотность! — крикнула я, чувствуя, как вибрация уходит в кости. — Вы забыли баланс! Лимонный сок испарился, остался только уксус! Это не соус, это смерть во рту!

Дверь распахнулась сама собой. Изнутри хлынул жар и запах горелого сахара. Марк стоял на пороге, держа в руках фарфоровую тарелку с остатками еды. Его серые глаза в полумраке казались черными, бездонными, и в них не было ни капли тепла. Только холодный расчет хищника.

Он швырнул тарелку мне под ноги и толкнул плечом. Я отлетела назад, больно ударившись спиной о стену. Фарфор разбился с сухим хрустом, и я съехала по стене на пол.

— Грязная нищета, — произнес он тихо, но каждое слово било как хлыст. — Ты пачкаешь мою кухню своим присутствием. Уйди, или я аннулирую твою стипендию прямо сейчас. Охрана уже на пути сюда.

Я лежала на полу, среди осколков. Пальцы резались об острые края, кровь капала на белый халат, смешиваясь с соусом. Боль была острой, ясной. Она протрезвляла лучше любого кофе.

Я медленно встала. Колени подгибались, но я выпрямила спину. Посмотрела ему прямо в глаза, игнорируя страх, который скребся внутри, как голодная собака.

— Я знаю рецепт «Истины» лучше тебя, — сказала я, и мой голос не сорвался. — Потому что я нюхала его годами в мусорных баках ресторана моего отца. Пока ты играл в шефа в своих золотых клетках, я учила этот вкус наизусть. Каждая ошибка, каждый заменитель, каждый грамм соли.

Марк замер. Его брови чуть приподнялись. Презрение сменилось интересом — опасным, колючим.

— Смело, — усмехнулся он. — Глупо, но смело.

Он еще смотрел на меня. Пока не отвернулся, надо было поставить цену. Я могла узнать соус в темноте, различить испорченную пряность среди десяти свежих — а не выпросить у него милость. Пусть проверяет. Только сначала назовет, чем заплатит.

— Проверь меня, — предложила я, пока он не потерял интерес. — Слепая дегустация твоего нового соуса. Если угадаю состав — приостанови выселение до конца семестра. Если нет — я уйду навсегда.

Марк рассмеялся. Коротко, сухо.

— А если угадаешь, ты хочешь больше, чем просто крышу над головой? Жадная мышка.

— Доступ к архивам рецептов, — потребовала я. — К твоим личным записям.

Он посмотрел на меня так, будто оценивал товар на рынке рабов. Затем кивнул ассистенту и повел меня вниз, в подвал. Коридор сужался, стены становились сырыми. Здесь пахло плесенью, дорогим парфюмом и чем-то еще... металлом. Страхом.

В дегустационной комнате было темно. Единственный источник света — настольная лампа с зеленым абажуром, освещавшая стол с тремя маленькими чашами.

— Пей, — приказал Марк.

Первый соус был сладким, тягучим, с нотами корицы и чего-то цитрусового. Я глотнула. Вкус взорвался на языке, но мозг уже анализировал: имбирь? Нет, слишком мягко. Кардамон? Ближе.

— Кардамон, мед, лайм, — сказала я.

Марк молчал. Второй соус был кислым, острым. Я давилась, слезы выступили на глазах, но не остановилась. За темным зеркалом мог кто-то стоять. Я все время ловила себя на желании обернуться, хотя отражение ничего не выдавало.

— Перец чили, томатная паста, уксус, — прошептала я, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Третий соус. Темный, густой. Я поднесла ложку ко рту. Вкус ударил в голову волной. Что-то знакомое, но искаженное. Имбирь? Или куркума? Я колебалась секунду. Одну лишнюю секунду.

— Имбирь, — выдавила я.

Тишина стала оглушающей. Марк подошел вплотную. Его лицо было непроницаемым, но в глазах вспыхнул красный сигнал тревоги.

Холодные пальцы схватили меня за подбородок, заставляя поднять голову.

— Ошибка стоит жизни твоему отцу в этом городе, Ася, — прошипел он мне в губы. — Куркума. Ты перепутала пряность с лекарством.

Страх стал осязаемым, тяжелым камнем в животе. Я хотела отстраниться, но его хватка была железной.

— Прости, — выдохнула я. — Дай второй шанс. Я буду работать. Убирать полы. Мыть посуду. Любую работу.

— Мне не нужна прислуга, — перебил он, выпуская мой подбородок. — Мне нужна пробирка. Человек, чьи эмоции искажают вкус так же сильно, как химия. Ты ошиблась не потому, что твой нос плох. А потому что ты боялась.

Он достал из кармана бланк и ручку.

— Ты не получишь отсрочку. Вместо этого ты получаешь статус.

Я читала бумагу, и буквы плыли перед глазами. «Экспериментальный образец». Не студентка. Не человек. Образец.

— Это незаконно, — сказала я, чувствуя, как тело начинает вибрировать от бессилия.

— Твой отец уже согласился на эти условия, чтобы спасти дом, — равнодушно ответил Марк. — Подпиши. Или завтра вас не будет здесь. Ни дома, ни места.

Я взяла ручку. Она была сломана, чернила текли неровными пятнами. Я сжимала ее так сильно, что треснувший край корпуса впивался в кожу пальца. Боль была спасением. Она возвращала контроль.

На рукаве белого кителя Марка я заметила свежее пятно. То самое, от третьего соуса. Оно было влажным. Может, он сам не знал точного состава и блефовал? Пятно ничего не доказывало, но я снова вспомнила, как он замер после моего ответа. Король академии тоже мог бояться ошибки. Эта мысль ударила меня под дых сильнее любого унижения. Я приняла роль жертвы, но теперь держала в руках ключ от его клетки.

Я вывела имя кое-как проступившими чернилами. Кровь с порезанного пальца оставила красную точку на имени «Ася».

Марк забрал листок. Посмотрел на красное пятно. И впервые за весь вечер улыбнулся.

Не тепло. Не доброжелательно. Как хищник, которому наконец принесли живую игрушку, которая не может убежать.

— Добро пожаловать в ад, Ася, — сказал он, сворачивая бумагу в трубочку. — Здесь вкусно пахнет страхом.

Дверь закрылась, и я наконец позволила себе разжать пальцы. На коже осталось пятно чернил вперемишку с кровью. Он унес мою подпись, но ответ на третий соус я все еще помнила. Куркума? Я снова прокрутила его вкус. Если Марку нужна пробирка, придется терпеть, что она умеет задавать вопросы.

Глава 2

Кабинет ректора пах не властью, а стерильностью. Холодный мрамор под тонкими подошвами моих туфель обжигал сильнее, чем любой огонь в печи. Я стояла посреди комнаты, сжимая в пальцах дрожащую ручку, и чувствовала, как каждый нерв натянут до предела.

Марк не торопился. Он сидел за огромным столом из темного дерева, перебирая бумаги так, будто моя жизнь была лишь еще одним пунктом в меню поставщиков. Его глаза — серые, как пепел после ночного костра — смотрели на меня без интереса, только с расчетом.

— Подпиши полный договор, Ася. Того бланка недостаточно, — произнес он тихо. Голос был бархатным и опасным, как шипы под лепестками розы.

Я держала контракт перед собой, пытаюсь разглядеть мелкий шрифт условий. Там было что-то про «полную передачу сенсорных данных», про «неразглашение методов»... Слова расплывались перед глазами от слез, которые я яростно глотала.

— Мне нужно прочитывать это, — мой голос сорвался на хрип. — Я должна знать, во что влезаю.

В следующую секунду мир перевернулся. Марк оказался рядом быстрее, чем я успела моргнуть. Его холодные пальцы сомкнулись на моем подбородке, заставляя поднять голову. Боль была острой, но внутри неё таилось нечто более страшное — абсолютное, ледяное спокойствие.

— Смотри мне в глаза, — приказал он. Не просил. Приказал.

Я попыталась вырваться. Потянулась назад, ударившись спиной о столешницу, но его хватка стала железной. Я чувствовала, как дрожат мои руки, как стучит сердце в висках. Сопротивление телом было бесполезно. Он был сильнее, выше, увереннее. И вдруг, сквозь панику, ко мне пришла странная ясность. Если я буду бороться мышцами, он сломает меня. Но если я буду смотреть... если я буду видеть его?

Я перестала дергаться. Заставила себя дышать ровно. Посмотрела прямо в эти серые пропасти, отказываясь отводить взгляд. Я смотрела, пока ему не пришлось удерживать мой взгляд в ответ. Пусть больно. Зато он уже не мог листать бумаги так, словно меня здесь нет.

Дверь кабинета распахнулась с грохотом.

Вероника влетела внутрь, как ураган в дорогом пальто. Ее щеки горели румянцем гнева, а золотистые локоны рассыпались по плечам.

— Ты смеешь находиться здесь?! — ее голос резал тишину, как нож по стеклу. — Эта грязная стипендиатка, которая питается объедками со студенческой кухни, имеет право дышать одним воздухом с наследником академии? Убери свои лапы от него!

Она не ждала ответа. Вероника метнулась ко мне, выбивая ручку из моих пальцев. Я инстинктивно прижалась к столу, защищая документы грудью. Локоть соперницы врезался мне в солнечное сплетение. Воздух вышибло из легких. Мир сузился до точки боли. Я открыла рот, чтобы закричать или возразить, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Боль была оглушающей, но она не сломала меня. Наоборот, она стала якорем. Я не отдала бумагу.

Марк не двинулся с места. Он наблюдал за этой сценой с циничным любопытством исследователя, рассматривающего реакцию подопытной крысы. Когда боль начала отпускать, оставляя после себя тошнотворный привкус во рту, он наконец сказал:

— Вкус боли тоже часть рецептуры, Ася. Не забывай об этом.

Он протянул мне новую ручку. Чернила казались черными, как ночь.

— Ставь подпись. Прямо сейчас. Пока ты не потеряла сознание окончательно.

Мои пальцы дрожали так сильно, что ручка едва не выскользнула. Я посмотрела на Веронику, которая стояла в дверях, ухмыляясь своей победой. Она думала, что унизила меня. Что сломала. Но я видела страх в глубине её глаз. Страх того, что Марк выбрал именно меня.

Я подписала. Быстро, небрежно, чувствуя, как чернила пачкают подушечки пальцев. Ручка оставила кляксу рядом с подписью. Хотелось перечеркнуть весь лист, но я удержала руку. Долг отца был заморожен. Именно ради этого я дошла сюда. Теперь надо было запомнить каждое условие, даже то, которое Марк рассчитывал заставить меня забыть.

Марк поднялся, забрал лист с кляксой у края подписи и вышел, даже не проверив, иду ли я следом. Я шла. Куда было деваться.

Лаборатория №4 встретила меня запахом металла, острых специй и чего-то химического, что вызвало легкую тошноту. Марк вел себя так, будто предыдущей сцены не было. Для него это была просто рабочая процедура.

Он поставил передо мной белую фарфоровую чашку. Прозрачный бульон. Идеально чистый, ни единой травинки, ни единого кусочка мяса. Только пустота.

— Правило простое, — сказал Марк, опираясь руками о стол и нависая надо мной. — Если ты скажешь «хорошо», долг удваивается. Я считаю это ложью. Ложь стоит денег.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Если ты скажешь правду, — продолжил он, и в его голосе притаилась угроза, — я могу расторгнуть договор. Но правда опасна, Ася. Я ненавижу критику своего мастерства. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Это была ловушка. Капкан без выхода. Сказать «хорошо» — значит загнать семью в долговую яму. Сказать правду — значит рискнуть быть выставленной за дверь прямо сейчас, нарушив условия сделки.

Я взяла ложку. Бульон был теплым. Я поднесла его к губам и сделала глоток.

На языке вспыхнуло ничего. Абсолютное, вакуумное ничего. Химическая база, соль, вода. Никакой души. Никакого намёка на ингредиенты. Это была мертвая жидкость.

Я открыла рот, чтобы сказать: «Плохо». Слово уже было на кончике языка, готовое сорваться с губ. Но я подняла глаза и увидела взгляд Марка. В нем была холодная, расчетливая ярость. Он уже поднял руку, сжимая кулак. Он был готов разбить эту чашку об мою голову. Буквально. Метафора стала реальной угрозой.

Тишина давила на уши. Секунды тянулись как часы. Я чувствовала, как пот стекает по спине, несмотря на холод лаборатории.

И тут послышался тихий звон. Лев, помощник преподавателя выпечки, который обычно исчезал в тени, случайно задел стопку тарелок. Звук фарфора, падающего на пол, отвлек внимание всех троих. Даже Марк на долю секунды повернул голову.

Я успела вдохнуть, пока он смотрел на разбитые тарелки. Соль еще держалась на языке, а после нее — ничего. Нельзя было назвать это хорошим бульоном. Марк снова повернулся ко мне. Я уже знала, что сделаю с чашкой.

— Ну? — спросил он.

Я не могла сказать «хорошо». Я не могла сказать «плохо» вслух, потому что боялась его реакции. Но я нашла третий путь. Путь, которого он не ожидал увидеть от забитой девочки в мокрой куртке.

Молча, не отводя взгляда, я перевернула чашку над раковиной. Жидкость хлынула вниз, шумно, нагло, демонстрируя полное презрение к продукту. Я не боялась шефа. Я презирала его творение.

Это было нарушение протокола. Вежливая жертва должна была проглотить оскорбление. Я же показала зубы.

Марк замер. Его глаза расширились. Он не кричал. Он не бил. Он медленно подошел ко мне вплотную, вторгаясь в мое личное пространство. Я чувствовала запах его одеколона —

древесный, тяжелый, с нотками табака. Он склонился, вдыхая запах моего страха и мокрой одежды.

— Дерзко, — прошептал он мне в ухо. Мурашки побежали по коже, смешанные с ужасом и странным трепетом. — Очень дерзко.

Он выпрямился, и его улыбка изменилась. Исчезла холодная вежливость, появилась хищная заинтересованность.

— Новый пункт устной сделки, Ася. Теперь ты должна описывать не только вкус, но и ассоциации. Что этот бульон напоминает тебе? Какую эмоцию вызывает? Ошибка в ассоциации будет стоить денег твоему отцу. Каждый неверный шаг — штраф.

Он не вернул вылитый бульон и не прибавил штраф. Вместо этого потребовал ассоциаций. Вот где будет ловить: состав можно проверить, а с моим воспоминанием — спорить сколько угодно. Я провела языком по зубам, убирая остаток соли. Ладно. Но мои воспоминания он пока не умел читать.

— Согласна, — выдохнула я, понимая масштаб новой ловушки.

Марк достал из кармана пиджака сложенный листок и бросил его на стол. Это был список долгов отца. Цифры были огромными, красными чернилами, словно написанными кровью.

— Один неверный шаг сегодня, — сказал он, указывая на цифры, — уничтожит вашу семью завтра. Ты готова плакать?

Он ждал слез. Ждал мольбы. Ждал, что я упаду на колени и умолю о пощаде.

Но я смотрела на цифры и вдруг вспомнила другой рецепт. Тот самый, бабушкин борщ, который Вероника украла в прошлом году и представила как свой на конкурсе первокурсников. Я помнила, как Марк тогда скривился, пробуя его. Помнила, как он искал в нем что-то утраченное.

Значит, дело не просто в садизме. Не просто в власти над бедной стипендиаткой.

Я посмотрела на Марка внимательнее, впервые за вечер действительно увидев его. За маской тирана скрывался коллекционер. Он собирал украденные, забытые, утраченные вкусы. Он использовал мою память как оружие против конкурентов, против тех, кто пытался подделать истину. Я для него была не рабом, а живым архивом. Ключом к вкусам, которые ему самому не давались.

Марк улыбнулся. Впервые за весь вечер эта улыбка коснулась его глаз, и от этого стало еще страшнее, чем от его криков. Это была улыбка человека, который получил ровно то, что хотел.

— Завтра, — сказал он, убирая контракт в сейф и щелкая замком, — ты будешь плакать над моим десертом. И я хочу слышать каждый всхлип.

Свет в лаборатории погас, оставив меня в темноте, где единственным звуком было мое собственное учащенное дыхание и далекое эхо шагов Вероники, удаляющейся прочь. Я осталась одна, связанная контрактом, но внутри меня, среди страха, росло крошечное, злое зерно решимости. Он думал, что купил меня. Но он даже не подозревал, какую цену ему придется заплатить за доступ к моему вкусу.

Глава 3

Три часа ночи. В лаборатории №4 пахнет страхом и гранатом.

Я стояла посреди помещения, где на стальном столе лежала катастрофа. Секретный соус «Гранат-7» — густая, почти черная жидкость, которую Марк собирал неделями, — растекся по белоснежной столешнице фиолетовым озером. Я не пролила его специально. Просто рука дрогнула, когда я пыталась перелить образец в пробирку под воображаемым взглядом Марка: казалось, он сверлил меня даже через закрытую дверь кабинета. Но это уже не важно. Важно то, что если Марк увидит это утром, долг отца удвоится. А может, и утраится вместе с домом.

Я схватила бумажное полотенце, прижала к луже. Ткань мгновенно почернела от пигмента, но пятно осталось. Стойкое, въедливое, как клеймо. Вода из крана только размазывала ужас шире. Запах был оглушительным: сладкий, терпкий, с металлическим привкусом крови. Мой нос, проклятый дар, ловил каждую молекулу. Я чувствовала, как этот аромат впитывается в кожу, в волосы, в саму ткань моей формы. От полотенца пахло гранатом, от стола пахло гранатом, от меня тоже. Если убрать лужу, Марк все равно остановится в дверях и втянет воздух. Я сама на его месте остановилась бы. Нужен был способ убрать этот запах, а не просто сделать стол белым.

В памяти всплыла полка со специями в личном шкафчике Льва, помощника преподавателя выпечки. Там была уксусная эссенция высокой концентрации и пищевая кислота. Рискованно? Да. Но запах кислоты перебьет гранат? Или создаст новую проблему?

Паника сжала горло. Свет фонарика дежурного охранника метнулся под дверь, полоса света скользнула по полу, выхватывая мою тень. Шаг. Второй. Он шел сюда.

Я метнулась к шкафчику Льва. Мои пальцы судорожно шарили по знакомой полке. Стекланный флакон с кислотой холодит кожу. Я крутанула крышку. Руки дрожали так сильно, что стекло выскользнуло из пальцев. Звон. Резкий, звенящий, как выстрел в тишине.

Осколки разлетелись по полу. Резкий запах ударил в лицо. Кислый, едкий, вызывающий кашель до рвотных позывов. Я закашлялась, зажимая рот ладонью, слезы потекли по щекам. Запах кислоты заполнил комнату, маскируя гранат, но теперь лаборатория выглядела как место преступления после химической аварии. Охранник остановился перед дверью. Я слышала его дыхание через щель.

— Кто здесь? — голос был глухим, но настойчивым.

Ручка двери дернулась. Заперто. Механизм старинный, тугой. Я бросилась к окну, пытаюсь открыть форточку, чтобы выветрить едкие пары. Замок заклинело. Стекло не поддавалось. Я оказалась в ловушке между удушливым запахом и приближающимся светом снаружи. Дверь скрипнула. Не охранник. Это были другие шаги. Легкие, уверенные.

Дверь открылась внутрь. На пороге стоял Лев.

Он не кричал. Не звал на помощь. Просто вошел, тихо притворив дверь и повернув замок. Щелчок. Мы остались вдвоем в темноте, подсвеченной лишь аварийными лампами коридора, просачивающимися сквозь матовое стекло. Лев осмотрел хаос: разбитую кислоту, фиолетовые пятна, мою бледную, трясущуюся фигуру. Его глаза, обычно добрые и немного сонливые, сейчас были серьезны.

— Ты жива? — спросил он тихо.

— Нет, — ответила я, и голос сорвался на хрип. — Меня убьют.

Лев ничего не сказал. Он подошел к столу, достал из кармана фартука блокнот и маркер. Положил их передо мной.

— Диктуй, — сказал он. — Какой рецепт мы пытались создать? Неудачная ферментация? Пропорциональный сбой? Мне нужно что-то написать, чтобы оправдать беспорядок, если придут утром.

Я посмотрела на него. На чистый лист. На спокойное лицо. Лев хотел записать историю, которую мы потом будем повторять слово в слово. Но Марк спросит о пропорциях. Попросит назвать температуру. И моя выдуманная ферментация закончится раньше второго вопроса. Вранье должно выдержать хотя бы такую проверку.

— Нет, — я оттолкнула блокнот. — Это не сработает. Он почует запах пота и лжи за версту. Нам нужна правда, но искаженная так, чтобы она стала правдой для него.

Лев моргнул.

— Объясни.

Я закрыла глаза, вслушиваясь в собственные ощущения. Гранат. Кислота. Окисление.

— Скажем, что я экспериментировала с методом холодной экстракции гранатового сока с добавлением аскорбиновой кислоты для стабилизации цвета, — начала я быстро, диктуя ему слова. — И что реакция пошла слишком бурно из-за избытка катализатора. Это объясняет цвет и разлитый сок. А резкий запах — эссенцией: я хотела отмыть стол и разбила флакон.

Лев записывал. Быстро, четко. Его маркер скользил по бумаге.

— «Холодная экстракция», — повторил он. — Правдоподобно. Ася, ты умнее, чем думаешь.

Он протянул мне маркер, чтобы я могла дописать детали рецептуры. Наши пальцы коснулись. Его кожа была холодной, как металл столовых приборов в этой лаборатории. Я вздрогнула. Не от холода. От неожиданности. От того, что кто-то находится на моей стороне. Первый раз за два дня ада.

Это отвлекло меня. Я путала цифры. 50 миллилитров вместо 500. Граммы вместо килограммов.

— Стоп, — Лев перехватил мою руку. Мягко, но твердо. Он не отпускал. Посмотрел прямо в глаза.

— Ты боишься, — констатировал он. — Ты не можешь контролировать свои руки, когда они смотрят на тебя.

— Они всегда смотрят, — прошептала я.

— Тогда давай сделаем так, — Лев забрал у меня маркер. — Я скажу, что был здесь. Что я разлил. Что это моя ошибка. Марк любит наказывать за небрежность, но он уважает честность... или то, что он считает честностью.

— Нет! — я отдернула руку. — Ты потеряешь работу. Твою рекомендацию. Тебя вышвырнут.

— Лучше меня вышвырнут, чем тебя сломают, — он улыбнулся уголками губ. Той самой грустной улыбкой, которая бесила меня своей мягкостью.

Вдруг свет мигнул и погас. Абсолютная темнота. Резервное питание не включилось. Лаборатория превратилась в колодец.

Я вытянула руку и не увидела даже пальцев. В отцовском подвале было так же: сверху шаги, рядом чужое дыхание, нельзя шуметь. Только здесь под ладонью был стальной стол. Я прижала к нему пальцы, чтобы не перепутать эти две темноты. Я услышала скрип пола в коридоре. Тяжелый шаг. Размеренный. Знакомый.

Марк.

— Ася? — голос Льва прозвучал слишком тихо, неуверенно. Он тоже боялся. Или делал вид?

Я зажмурилась. Паника грозила захлестнуть разум. Но нос работал лучше глаз. Даже в темноте я чувствовала потоки воздуха. Сквозняк тянул со стороны пекарни этажом ниже. Свежий хлеб. Теплый, дрожжевой, безопасный запах. Он вел к лестнице. К выходу.

— Идем, — сказала я, хватая Льва за рукав куртки. — По запаху хлеба.

Мы двигались в полной темноте. Я шла первой, опираясь на обоняние, как на компас. У двери я нащупала замок и повернула его. Лев следовал за мной, спотыкаясь об осколки,

которые я обошла по памяти. Каждый шаг отдавался эхом. Капли воды где-то в трубах. Шум ветра за стеклом.

Мы вывалились в коридор. Воздух здесь был другим: холодным, стерильным, пахущим дезинфекцией и дорогим табаком. И этим запахом был Марк.

Фонарик ударил нам в лица. Луч света был резким, режущим. Я инстинктивно подняла руку, заслоняя глаза. Лев сделал шаг вперед, закрывая меня собой.

— Марк, это моя вина, — начал он, голос чуть дрожал, но он держался прямо. — Я был здесь, проверял оборудование...

Марк не слушал. Он медленно обошел Льва, как хищник, изучающий добычу. Его глаза, привыкшие к темноте, скользнули по нам. Он не кричал. Не повышал тона. Его голос был бархатным, опасным.

— Почему лаборатория пахнет кислотой и гранатом в три часа ночи? — спросил он. Вопрос повис в воздухе.

Лев молчал. Я молчала.

Марк перевел взгляд на наши руки. Лев держался за карман, пряча ладони. Марк резко схватил его запястье. Поднял руку.

На пальцах Льва были фиолетовые пятна. Соуса.

А мои руки? Марк взял мое предплечье, развернул ладонь ко мне. Она была испачкана слабее, чем ладони Льва. Полотенце приняло на себя большую часть соуса, но под ногтями остались фиолетовые следы. Рядом с ними темнела тонкая линия пореза от стекла, затянувшаяся корочкой.

Тишина стала оглушительной. Лев побледнел. Он понял. Пятна на его руках означали одно: он касался соуса, когда помогал мне. Или когда подставлял себя.

Марк отпустил Льва. Тот сполз по стене, тяжело дыша.

Марк повернулся ко мне. Уголок его рта дернулся. Это была улыбка. Жестокая, довольная, интеллектуальная.

— Интересно, — произнес он, наклоняясь ближе, так что я чувствовала запах его одеколona и чего-то еще, темного, скрытого. — Ты научилась прятать концы быстрее, чем готовить.

Я стиснула пальцы, пряча фиолетовые ногти. Поздно. Марк переводил взгляд с моих рук на руки Льва, и я уже жалела каждое слово про холодную экстракцию. Он мог не знать, что случилось в лаборатории, но видел, что мы заранее договорились, как отвечать.

— Сегодня утром, — продолжил Марк, выпрямляясь. Его голос стал ледяным. — Принесешь мне образец «неудачного» соуса, который вы якобы испортили. Воспроизведешь вкус по памяти. До последней молекулы.

Я замерла. Воспроизвести вкус по памяти? После того, как он смешался с кислотой, с воздухом, с временем? Это невозможно. Никто не сможет.

— Если не сможешь, — Марк посмотрел на Льва, затем снова на меня, — сделка расторгается. Твой отец теряет дом. Сегодня же.

Он развернулся спиной. Сапоги застучали по плитке, удаляясь. В тишине коридора я услышала сухой щелчок замка его личного сейфа. Где-то далеко, в кабинете ректора.

Он не поверил ни слову про холодную экстракцию. Теперь мне предстояло повторить его соус — тот, который я пролила. Наша наскоро написанная легенда не спасла ни меня, ни Льва.

Лев поднялся с пола. Его лицо было серым от страха.

— Ася... — прошептал он.

Я посмотрела на свои испачканные руки. На фиолетовые тени, которые казались мне теперь везде. В глазах, в голове, в будущем.

Утром я должна была стать магом. Или рабом.

Выбора не было.

Он дал мне несколько часов. И ни одной подсказки.

Глава 4

К семи принесла восстановленный «Гранат-7». Ночь ушла на пропорции; язык уже не различал кислинку. Марк попробовал, сверился со своей пробиркой.

— Поздно добавила гранат. Но состав верный. Дом пока оставим твоему отцу.

Он забрал образец. Я дошла до групповой лаборатории без сна, зато с действующим контрактом.

Лаборатория молекулярной кухни пахла озоном и дорогим кофе. Здесь всё было стерильным: белые столы, хромированные колбы, фартуки, которые стоили больше, чем моя стипендия за месяц. Я стояла у своей станции, чувствуя, как холодный металл пинцета впивается в подушечки пальцев. Это был мой щит. Мой способ контролировать хаос, который назывался моей жизнью.

Воздух дрогнул от чужого смеха. Вероника проходила мимо, её каблуки цокали по кафелю, как метроном на похоронах. Она не просто шла — она плыла, уверенная в том, что этот мир принадлежит ей по праву рождения. В руках она держала стакан с густым, кроваво-красным соусом. Не случайно. Никогда не случайно.

— Ой, Ася! Ты такая неловкая...

Слово «неловкая» повисло в воздухе, когда красный поток обрушился на меня. Густая жижа ударила в белый хлопок моего фартука, растекаясь по груди, животу, брызгая на руки. Запах ударил мне в нос раньше, чем я успела моргнуть: кислота уксуса, железо консервантов, дешевый сахар. Это было тошнотворно. Тошнотворно физически и морально.

Группа хихикнула. Кто-то даже достал телефон. Инструктор, седой мужчина с рыбьими глазами, лишь махнул рукой, не поднимая головы от журнала. Для него это была бытовая мелочь. Пятно. Не травма. Не унижение. Просто грязь.

Я замерла. Сердце колотилось так, что боль отдавала в висках. Хотелось кричать, плакать, бросить этот стакан обратно ей в лицо. Но вместо этого я медленно выдохнула, позволяя воздуху заполнить легкие до предела. Я посмотрела на свои руки, испачканные красным, как будто только что разделявала тушу.

Я стянула фартук через голову, осторожно, чтобы соус не размазался по волосам. Серая футболка под ним тоже промокла. Вероника смотрела, как я складываю грязную ткань на стол. Я расправила угол. Еще один. Занять руки оказалось легче, чем не заплакать перед ее телефоном.

Тень упала на мой стол. Высокая, длинная, пахнущая сандалом и опасностью. Марк.

Он не смотрел на толпу — смотрел только на меня, исподлобья; серые глаза были внимательными и голодными. Он взял снятый мною фартук двумя пальцами, будто это был предмет исследования, а не личная вещь. Приблизился, нарушая дистанцию, которую я пыталась сохранить с первого теста.

— Ты выглядишь как жертва, Ася, — его голос был тихим шепотом, слышимым только мне и тем, кто стоял слишком близко. От его слов по спине пробежал холодок, более сильный, чем от мокрой ткани. — Жертвы не готовят. Они едят то, что им дают. Или умирают с голоду.

Страх сжал горло. Страх быть слабой. Страх быть ненужной. Именно этим он бил чаще всего. Не криком, а тихой констатацией факта. Ты ничтожество без моего разрешения.

Я подняла подбородок, стараясь удержать лицо спокойным. Внутри все кипело, снаружи — тишина. Я перехватила его взгляд, игнорируя оскорбление, и спросила прямо, глядя ему в переносицу:

— Вы хотите, чтобы я попробовала ваш новый соус? Или вы просто наслаждаетесь зрелищем?

Тишина вокруг стала осязаемой. Хихиканье прекратилось. Люди замерли, ожидая взрыва. Никто не смеет говорить так с Марком Волковым. Никто. Кроме меня. Ибо мне нечего терять, кроме своего достоинства, которое он уже забрал.

Марк усмехнулся. Уголок его губ дернулся вверх, показывая клык. В его глазах мелькнуло что-то новое. Интерес. Голод хищника, который наконец заметил, что мышь кусается.

— Завтра в семь утра. На кухне шеф-повара. Без свидетелей, — произнес он и бросил грязный фартук в мусорный контейнер рядом с моим столом. С глухим стуком.

Лев метнулся к своему шкафчику. Его движения были быстрыми, нервными. Он схватил запасной белый фартук, свернутый в трубочку, и попытался незаметно подсунуть его мне под локоть.

— Возьми, Ася, — прошептал он, его пальцы дрожали. — Быстро. Пока никто не видит.

Это было нарушение протокола безопасности. Использование личных вещей вне графика выдачи. Староста группы, девочка с идеальной осанкой и еще более идеальным желанием служить системе, развернулась.

— Лев, ты что делаешь? — ее голос звенел от возмущения. — Это против правил! Ректор узнает...

Преподаватель повернулся. Марк остановился на полпути к выходу. Все взгляды скрестились на нас троих. Штраф. Отчисление. Карьера Льва, которую он строил годами, зависела от этих секунд.

Я посмотрела на фартук в руке Льва. Чистый. Белый. Безопасный. Затем посмотрела на свою грязную футболку. На пятна, которые теперь стали частью меня. Староста уже смотрела на Льва, а преподаватель ждал, что он ответит. Сейчас он отдаст фартук, и виноватым окажется он. Веронике достанутся сразу двое. Я знала, как легко потом сказать: сам нарушил правила.

Я жестом руки остановила Льва. Ладонь прижата к его груди, мягко, но твердо.

— Нет, — сказала я. Громко. Чтобы услышали все.

Лев побледнел, опуская руки. Фартук остался лежать на столе, недостижимый символ спасения, которого я отказалась принять.

Я взяла свой грязный фартук из мусорного бака. Красные пятна теперь смешались с пылью и крошками. Мерзко. Тяжело. Но это было мое. Я натянула его поверх серой футболки, завязывая тесемки за спиной. Узел затянулся туго, впиваясь в кожу.

— Я буду работать так, — объявила я, разворачиваясь к своему оборудованию. — Если вам не нравится вид, наденьте солнцезащитные очки.

По аудитории прокатился ропот. Смешанный гул шока и восхищения. Марк не двинулся с места. Он наблюдал. Как ученый наблюдает за реакцией элемента на кислоту.

Я включила индукционную плиту. Руки дрожали, но я заставила их работать. Нужно было сделать эмульсию. Соотношение 1:10. Масло и вода. Эмульгатор. Лецитин. Я отвлекалась, считая миллилитры, пытаясь заглушить запах железа в носу.

Вероника подошла к моему столу якобы за водой. Она прошла так близко, что её локоть толкнул мою руку. Я почувствовала движение воздуха, запах её духов — тяжелый, приторный жасмин. И еще один запах. Горький. Травянистый. Полынь.

Она открыла крышку моей колбы, делая вид, что читает этикетку, и быстро капнула туда что-то из маленького флакона, спрятанного в кулаке. Движение было стремительным, профессиональным. Она училась этому дольше меня.

Когда она отошла, я вернулась к работе. Налила смесь в тестовую пробирку. Взболтала. Запах изменился. Вместо нейтрального вкуса сои появилась нотка чего-то мертвого, сухого. Я понюхала глубже. Полынь. Старая, окисленная полынь. Горечь, которая убивает любые другие оттенки.

Если я скажу вслух, что мне добавили яд, они скажут, что я некомпетентна. Что я ошиблась в дозировке экстракта. Что я сама испортила блюдо. Стипендиатка всегда виновата. Королева курса всегда права.

Я посмотрела на часы. До сдачи работы три минуты. Блюдо было несъедобным. Яркая зелень, неприятный привкус металла на языке предчувствия. Выбросить? Легко. Но тогда я снова проиграю.

Нет.

Я схватила лимон. Сжала его сок прямо в колбу. Кислота. Жир. Мне нужен жир, чтобы связать горечь. Я схватила сливочное масло, растопленное в отдельной емкости, и влила его тонкой струйкой, непрерывно мешая венчиком. Эмульсия должна была распасться, стать слоистой кашей. Но мои руки знали своё дело. Феноменальное обоняние подсказывало баланс. Капля за каплей. Минута за минутой. Я превращала ошибку в эксперимент. Рисковала получить результат, который будет хуже исходного, но я не сдавалась.

— Время! — крикнул преподаватель.

Моя тарелка стояла перед ним. Идеальная текстура. Но вкус? Вкус был вопросом.

Марк вернулся. Он занял место у края стола, положив подбородок на кулак. Он потребовал, чтобы я сдала работу первой. Потому что знал. Или потому что хотел увидеть крах.

— Попробуй, — приказал он. Не преподавателю. Мне.

Я поднесла ложку ко рту. Физическая невозможность съесть это без гримасы давила на мышцы лица. Толпа студентов смотрела, ожидая, как я подавлюсь, как заплачу, как упаду. Давление было почти физическим весом на плечах.

Я сделала крошечный глоток.

Горечь ударила по рецепторам мгновенно. Как электрический ток. Языку стало больно. Горланье сжалось. Рвотный рефлекс подступил к горлу, горячий и неконтролируемый. Я сглотнула, заставляя себя дышать ровно. Сожгла вкус во рту, но не выплюнула.

И тогда я заговорила. Голос звучал чисто, несмотря на тошноту.

— Ваша эссенция была слишком старой. Полынь окислилась. Это не моя ошибка, шеф. Это ваша небрежность в хранении.

Тишина. Абсолютная. Даже кондиционер, казалось, замолчал.

Я указала на Марка. Не на Веронику. На него.

— Вы использовали просроченный ингредиент для проверки реакции тела на экстремальные вкусы. Вы хотели посмотреть, смогу ли я распознать источник горечи или сломаюсь от отвращения.

Глава 5

Это был блеф. Полный и тотальный. Но я знала его методы. Он никогда не использует свежие продукты для своих «пыткок». Он любит старое, забытое, испорченное время. Это часть его эстетики боли.

Лицо Марка не изменилось. Но его глаза сузились.

Вероника взревела. Она шагнула вперед, её лицо исказилось от ярости.

— Ты лжешь! Ты клеветница! — закричала она, тыча пальцем в меня. — Я видела, как ты сама добавляла полынь! Настоящего ректора сюда! Немедленно!

Авторитет дочери главного спонсора против стипендиатки-должницы. Большинство на стороне сильной. Преподаватель уже потянулся к телефону.

Я схватила Веронику за запястье. Она дёрнулась, но я не отпускала. Развернув ее ладонь вверх, оттянула край рукава.

На внутренней стороне предплечья, под рукавом дорогого пиджака, темнели бурые пятна. Следы эссенции, которую она держала в кармане перед «случайным» столкновением. Концентрированная полынь оставляет такие же следы, как йод.

— Это не моя полынь, Вероника, — тихо сказала я, держа её руку так, чтобы все видели. — Это твои пятна. Твоя ложь.

Пятна были косвенным доказательством. Но достаточным, чтобы посеять сомнение. Преподаватель замер. Студенты начали переглядываться. Марк поднялся со стула.

Он сделал шаг ко мне. Потом другой. Он остановился прямо передо мной, заслоня собой Веронику. Он посмотрел на пятна на её руке. Затем перевел взгляд на меня.

Его лицо было непроницаемым камнем.

— Горечь — это не вкус, — сказал он громко, так, чтобы слышал каждый. — Это эмоция.

Он схватил мою тарелку. Медленно. Аккуратно. И выбросил её содержимое в ближайший мусорный бак. Грязная эмульсия шлепнулась на крошки и использованные салфетки.

— Ты позволила эмоциям управлять твоей рукой. Ты проиграла, — констатировал он.

Я смотрела, как по стенке бака медленно сползает густой соус. Три минуты работы, за которые я почти спасла эмульсию, — и ему хватило секунды. Вероника все еще стояла рядом. Я отпустила ее запястье: пятна на рукаве никуда не делись, а оправдываться перед Марком второй раз я не собиралась.

Я посмотрела на мусор. На пятно на полу. И вдруг поняла.

Он не верил мне. Ему было плевать, правда ли это была его небрежность или её подлость. Ему важно было увидеть, как я сломаюсь. Но я не сломалась. Я стала тверже.

Я провела языком по нёбу. Горечь осталась; зато тошнота уже не мешала думать. Марк мог выбросить тарелку, но не мог заставить меня забыть состав. Следующий раз я дам ему попробовать то, от чего он не отделается словом «проиграла».

Развернувшись, я вышла из лаборатории. Шаги гуляли по коридору, эхом отражаясь от стен. Я не оглядывалась. Я чувствовала, как на меня смотрят десятки глаз, но они были уже не важны.

Дверь академии хлопнула за мной.

Наружный воздух ударил в лицо. Холодный. Влажный. Шел дождь. Мелкий, противный, пробирающийся под одежду. Я стояла под навесом, всё ещё в грязном фартуке, капли стекали с волос на щеки.

Впервые за год я не думала о долге отца. Не думала о выселении. Не думала о Веронике. Я думала о том, как именно Марк моргнул, когда я заговорила про полынь.

Одно короткое, едва заметное сокращение века. Рефлекс. Он мог видеть флакон в руке Вероники. Во всяком случае, остановить ее не попытался. А когда я втянула его в свой блеф, он уничтожил блюдо вместо того, чтобы потребовать объяснений у нее.

И теперь я знала его секрет. Ему нужна не идеальная еда. Ему нужна идеальная боль. Моя боль. Его удовольствие.

Дождь усиливался, размывая границы мира. Я улыбнулась. Впервые за долгое время улыбка была искренней.

— Хорошо, Марк, — прошептала я ветру. — Давай играть.

Запах ударил в лицо раньше, чем я успела переступить порог лаборатории дегустаций. Ароматом еды это не пахло — это была химическая атака на мои ноздри. Гниль, сладковатая и приторная, смешанная с резким запахом аммиака и чего-то металлического, словно кровь на ржавом гвозде.

Марк стоял у длинного стального стола, скрестив руки на груди. Его белоснежный фартук не имел ни единого пятнышка. Он выглядел как хирург перед операцией, а не как шеф-повар перед подопытной крысой. Перед ним, на черной матовой тарелке, лежало то, что он называл «блюдом». Кусок мяса, облитый вязкой, зеленоватой жидкостью. Пар над ней не шел. Жидкость была холодной.

— Ешь, — приказал он. Не попросил. Не предложил. Приказал.

Мой желудок свело судорогой. Я помнила условия контракта: любая ошибка, любой отказ от теста считается нарушением дисциплины. А нарушение дисциплины означает штраф. Штрафы означают долг. Долг отца означает выселение. Мы уже жили на пороге пропасти, и теперь Марк толкал нас вниз, наслаждаясь полетом.

Я шагнула ближе. Каблуки моих дешевых туфель скрипнули по стерильному полу. В горле встал ком, но я проглотила его вместе со слюной.

— До последней капли, Ася, — добавил он тише. — Если останется хоть одна молекула этого ужаса на дне тарелки, твой отец узнает о просроченном платеже до обеда.

Руки дрожали, когда я брала ложку. Она была тяжелой, серебряной, с гравировкой академии. Я посмотрела на мясо. Оно было серым, мертвым. Я зачерпнула жидкость. Она пахла так, будто кто-то вылил содержимое мусорного бака в чашку кофе.

Первый глоток.

Тело отреагировало мгновенно. Тошнота. Позыв к рвоте поднялся из живота, обжигая пищевод кислотой. Глаза заслезились. Я едва не подавилась, захлебнувшись собственным отвращением. Но я не закрыла глаза. Я смотрела на Марка. На его спокойное, равнодушное лицо. Он наблюдал за мной, как энтомолог наблюдает за муравьем, который тащит крошку больше себя.

Второй глоток. Язык онемел. Вкус был не просто плохим — он был неправильным. Словно рецепторы мозга выдавали ошибку системы. Тошнота нарастала, превращаясь в физическую боль, тупую и ноющую в солнечном сплетении. Я сжала челюсти так сильно, что заломило зубы. Не блевать. Не показывать слабость.

Дверь лаборатории распахнулась без стука. Вероника вошла, как хозяйка положения, в своем идеальном пальто цвета верблюжьей шерсти. Она остановилась у входа, пригнулась и скривилась.

— Боже, Ася, ты опять? — ее голос звенел от притворного ужаса, но в глазах плясали искры веселья. — Мне сказали, что ректорский сынок устроил тебе мастер-класс по смирению. Я думала, тебя будут учить готовить, а не есть мусор. Бедность действительно делает людей брезгливыми, да? Ты даже не можешь отличить испорченный продукт от свежего, потому что привыкла экономить на качестве.

Она подошла ближе, наклонилась и провела ногтем по краю тарелки, оставив след.

— Выглядит аппетитно для тех, кто привык рыться в контейнерах за супермаркетами. Но для эстетов... это слишком.

Марк не шевельнулся. Он только перевел взгляд с меня на Веронику, а потом снова на меня. Ожидание. Чего он ждал? Стыда? Истерики? Просьбы о помощи?

Я медленно пережевала кусок мяса. Зубы впивались в волокна, которые казались резиновыми. Во рту скопилась мерзкая масса. Я не отвернулась от Вероники. Я посмотрела ей прямо в глаза. В эти холодные, пустые голубые озера.

Ем, — сказала я своим телом. Смотрю на тебя. И мне плевать, что ты думаешь.

Вероника побледнела. Улыбка сползла с её лица, уступив место растерянности. Она ожидала увидеть жертву, загнанную в угол. Вместо этого она увидела зверя, который ест падаль, чтобы выжить. Она хмыкнула, развернулась и вышла, хлопнув дверью сильнее, чем нужно.

Тишина вернулась, став еще тяжелее.

Марк взял маленький стеклянный флакончик с темной жидкостью. Откупорил. Запах полыни ударил в нос с такой силой, что я почувствовала вкус металла на языке. Это была концентрированная эссенция, ядовитая, горькая, вызывающая спазмы мышц.

— Последний ингредиент, — сказал он ровным голосом. — Для баланса.

Он плеснул несколько капель в мою тарелку. Жидкость вспенилась, издав тихий шипящий звук.

— Доедай.

Я взяла ложку. Руки больше не дрожали. Они были каменными. Я набрала полную ложку смеси гнили, химии и полыни. Поднесла ко рту.

Я различала полынь даже поверх мяса. Он смотрел на ложку, будто все уже решено: сейчас я проглочу. А я вдруг представила, как отец завтра будет паковать вещи, если я откажусь, — и все равно не смогла поднести эту дрянь ближе.

Я остановилась. Ложка замерла в воздухе, в сантиметре от моих губ.

Марк приподнял бровь.

— Что такое?

— Нет, — произнесла я. Слово вышло хриплым, но твердым.

— Повтори.

— Я сказала нет.

Я опустила ложку обратно в тарелку. Металлический звон прозвучал как выстрел.

Лицо Марка не изменилось, но воздух вокруг него стал другим. Холоднее. Опаснее.

— Ты понимаешь, что происходит? — спросил он, подходя ближе. Каждое его слово было иглой. — Это не выбор, Ася. Это условие. Ты либо ешь, либо твой отец теряет дом. Тебе двадцать лет, а ты ведешь себя как капризный ребенок, которому не дали конфету.

Глава 6

— Я не ребенок, — ответила я, глядя ему в глаза. Впервые за все время я не отводила взгляд. — И я не буду есть яд просто потому, что так велено.

Марк усмехнулся. Это была жестокая, хищная улыбка.

— Инстинкт самосохранения? Какой трогательный рефлекс. Но ты забываешь, где находишься. Здесь нет места морали. Есть только результат. Ты нарушаешь контракт.

— Тогда увольняй меня, — бросила я. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Я блефовала. Или нет? Может быть, страх потери дома был сильнее страха боли?

Но в тот момент, когда запах пыли заполнил рот, физическая боль оказалась сильнее абстрактного страха будущего. Я выбрала настоящее.

Дверь открылась снова. Лев.

Он выглядел испуганным. Его очки съехали на нос, волосы растрепаны. Он держал в руках блокнот.

— Марк, пожалуйста, — начал Лев, его голос дрожал. — Можно провести тест иначе. Только на нюхательных пробниках. Ася может описать профиль ароматов, не употребляя их внутрь. Это стандартная практика в сенсорных лабораториях. Её обонятельная память феноменальна, вам не нужно подвергать её риску...

— Заткнись, Лев, — перебил Марк. Резко. Без интонации. Просто факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.